

Люба-Любава

Взрослеть и познавать

В душе каждого человека льётся свет, если человек этот согласен со своей жизнью.

*Джебран Халиль Джебран,
арабский писатель и философ XX века*

1.

Электропоезд, сбавляя скорость, подошёл к первому пути и остановился. Из дверей станции, где был небольшой зал ожидания, вышли две женщины и заспешили к открытым дверям электрички. Минута — и двери за ними закрылись. Электричка, наращивая гул, сорвалась с места и пошла дальше — в Тайшетград.

— Негусто сегодня пассажиров-то в город... — сказала Люба дежурной Нине Васильевой, провожающей электропоезд.

— Да и к нам никто не торопится, — ответила ей Нина, имея в виду, что из проезжающей электрички в Бирюсинке никто из пассажиров не вышел.

Люба согласно кивнула. Были времена, и вроде бы совсем недавно, когда десятки пассажиров тянулись по утрам к станции, чтобы уехать в Тайшетград, в Городок на Бирюсе

или дальше — в Юрты, в Решоты, в Нижний Ингаш, в Иланскую. Утренние электрички останавливались в Бирюсинке с разницей в один час. Первая шла из Тайшетграда на Иланскую, вторая — из Иланской в Тайшетград.

Сколько раз Люба спешила в эти часы к перрону, чтобы с первого или второго пути уехать на электричке! Сотню, а может, уже и не одну сотню раз!

Да, наверное, не одну сотню раз. С пятого класса по восьмой она шесть раз в неделю, исключая дни каникул, торопилась в среднюю школу Городка на Бирюсе. А в каникулы нередко ездила в Тайшетград. В магазины, в кино, в городской парк, а ещё на районные соревнования и на смотр художественной самодеятельности. С танцевальной группой выступала она и в городском Доме культуры, и на сцене старого клуба железнодорожников, и в новом железнодорожном ДК. В старом клубе железнодорожников, а также в новом железнодорожном ДК, городском Доме культуры, районном Доме пионеров, а ещё в нескольких школах Тайшетграда, играла Люба в шахматы, участвуя в районных турнирах школьников.

2.

В шахматы научил её играть отец ещё до того, как она пошла в школу. В пятилетнем возрасте ей нравилось смотреть на фигурки, которые двигали отец и дедушка, играя вечерами. В шесть лет она уже знала, где на доске располагаются король и королева, называемая ферзём, как ходит пешка и какие замысловатые движения делает конь. В восторг её приводила крайняя фигурка первого ряда, похожая на башенку сказочного замка. Отец с дедушкой называли её то ладьёй, то туркой.

— Ну что, Любавушка, интересно тебе? — глядя на стоящую перед шахматной доской дочурку, спрашивал её отец.

— Да, интересно, — отвечала ему Люба.

— Хочешь научиться?

Люба смущалась и кивала.

— Хорошо, покажу тебе, как лучше фигуры двигать! — смеялся Святослав Игоревич, подхватывая Любу на руки и подбрасывая к потолку.

Сначала отец научил её играть в шашки. Как опытный педагог, Святослав Игоревич не спешил с обучением.

Начинали они в поддавки и в «Чапаева», а когда Люба научилась этим быстрым, казавшимся ей весёлыми играм, перешли, как говорил отец, к «классическим русским шашкам».

Любе эта игра понравилась. Она с удовольствием двигала пешки и пробивалась, как учил отец, в дамки. В домашних турнирах она обыгрывала маму и бабушку, которые, как она подозревала, ей поддавались и специально делали неправильные ходы. Удовлетворение она получала, когда был повержен ею дедушка, не любивший поддаваться. Играла она и с отцом. Отец обычно так поворачивал партию, что в конце игры на доске с обеих сторон оставалось по одной дамке и паре пешек, и соперники соглашались на ничью. И только после пятой или шестой ничьей Святослав Игоревич понял, что пора в играх с дочерью поменять шашечные пешки на шахматные фигуры.

Способности к игре в шахматы проявились у Любы не сразу. В первое время она даже растерялась. Мысль о том, что фигуры на доске — король, королева, ладья, конь — придут в движение по её желанию, приводила её в восторг и оцепенение.

Заметив это, Святослав Игоревич подбадривал дочку, терпеливо объясняя ей, как лучше делать ходы в зависимости от той или иной ситуации, складывающейся на доске.

— Понятно? — спрашивал Святослав Игоревич дочь.

— Понятно, — отвечала ему Люба, хотя она не с первого и даже не со второго раза понимала и запоминала то, что говорил ей отец.

Святослав Игоревич улыбался, одобрительно кивал и призывал дочь смелее двигать вперёд фигуры. Каждый раз, когда садился с Любой за шахматную доску, он потирал руки и спрашивал её:

— Ну что, повторим пройденный материал?

— Повторим, — соглашалась Люба.

После нескольких таких уроков Люба стала чувствовать себя увереннее, она запомнила, как правильно называются и передвигаются все фигурки на доске, и усвоила правило начинающих: если активно продвигать пешки, то можно быстро дойти до последней линии и превратить пешку в ещё одного ферзя или любую другую фигуру, кроме короля.

С отцом много играть ей не пришлось. Вскоре он уехал, а потом не стало бабушки и дедушки, и про шахматы, казалось, в доме забыли.

3.

В пятом классе они с Мариной Левчук записалась в танцевальный кружок и, выучив несколько несложных танцев, уже в канун Нового года выступали на школьной сцене, а в зимние каникулы — в клубе работников гидролизного завода в Городке на Бирюсе. В мартовские весенние каникулы преподавательница танцев Людмила Васильевна повезла их с группой школьных танцоров на смотр в Тайшетград. Выступили они хорошо и, хотя не заняли первого места, диплом фестивальный получили. Диплом, насколько помнила Люба, дали им за исполнение танца «Топотуха». Люба, Марина и ещё две девочки из шестого класса выбегали на сцену под музыку в платочках и сарафанах, а вслед за ними появлялись четверо мальчишек в подпоясанных верёвочками рубашках навыпуск. Трое из них учились в шестом классе, а ещё один, самый высокий, — в седьмом. Люба была в группе меньше всех ростом, но Людмила Васильевна почему-то в пару к ней ставила именно это парня-семиклассника по имени Алексей.

— Вы будете прыгать и топать все вместе, встав в кружок, а потом мальчишки возьмут за руки девочек. Алёша, ты будешь танцевать с Любовой, — поясняла преподавательница, расставляя всех по парам.

И они становились в кружок и расходились по парам, прыгая и топая. Озорной танец был всем участникам в радость. Эта радость передавалась и преподавательнице, и зрителям. С «Топотухой» они два раза выступали в клубе гидролизного завода и несколько раз в школе в составе сборного концерта, где, помимо танцоров, участвовали ещё музыканты и певцы. Однажды посмотреть школьный концерт в Городок на Бирюсе приехали из Бирюсинки Катерина Петровна, мастер Левчук с женой, а также первая учительница Любы и Марины — Наталья Степановна.

После концерта у всех было хорошее настроение, и мастер Левчук купил и взрослым, и детям по мороженому.

Лично раздал каждому, отказавшись брать деньги от Катерины Петровны и Натальи Степановны.

Был солнечный тёплый воскресный апрельский день, они ехали в электричке по мосту через Бирюсу и ели мороженое.

— А я договорился с Людмилой Васильевной. В сентябре привезём всех артистов на нашем автобусе в Бирюсинку, и будете у нас в клубе «Топотуху» свою плясать! — говорил громко и весело мастер Левчук дочери и Любе, а заодно и всем ехавшим в вагоне электрички.

Но в сентябре Люба и Марина узнали, что Людмила Васильевна и её муж Юрий Михайлович, преподаватель физкультуры, переехали жить в Тайшетград и теперь будут работать там, в железнодорожной школе номер четырнадцать.

Людмила Васильевна в первые дни нового учебного года приезжала в Городок на Бирюсе и разговаривала со своими воспитанниками, приглашая их на занятия в Тайшетград, в её новую школу.

— Я поговорила с вашими учителями и директором, они согласны отпускать вас с уроков один раз в неделю к дневной электричке. Четырнадцатая школа недалеко от вокзала — десять минут ходьбы, можем заниматься два-три часа, а вечерней электричкой вы будете уезжать домой. А ещё одно занятие я назначила на воскресенье. В воскресенье мы можем проводить наш кружок с утра.

Людмила Васильевна говорила убедительно, и в первое воскресенье после этой беседы все участники танцевального кружка поехали утренней электричкой в Тайшетград. Школа номер четырнадцать действительно оказалась недалеко от железнодорожного вокзала, по улице Транспортной, и приезжие быстро разыскали её. Людмила Васильевна встретила их в вестибюле с улыбкой, провела в спортзал, где проходили занятия. Юные танцоры были рады новой встрече с преподавательницей и знакомству с новыми участниками группы — учащимися четырнадцатой школы. После занятий, смеясь и подшучивая друг над другом, они, довольные, пошли на дневную электричку. Неплохо было и в первый будний день занятий. Танцоров отпустили — кого с последнего, кого с предпоследнего урока. И на этот раз всё прошло хорошо. Занятия прошли в запланированное время,

и через три часа они снова сидели на вокзале Тайшетграда, ожидая свою электричку. А вот в третий раз преподавательница не досчитались сразу четверых своих танцоров.

— Они не смогли сегодня, — сказал за всех долговязый Алёша.

Людмила Васильевна согласно кивнула, но глаза её погрузнели.

— Вот этого я и опасалась. Думала об этом много раз, но хотела посмотреть, как будет на деле: сможете ли вы приезжать каждый раз на занятия? — сказала она тогда им. — Похоже, что началось... Вы же понимаете, ребята, что я на вас рассчитываю? Готовлю определённый танец, включаю вас как участников и поэтому хочу знать, что вы меня не подведёте. А если получается, что сегодня вы можете приехать, а в следующий раз уже нет, то что тогда мне делать? Чего ожидать? Я же не могу гадать, на кого рассчитывать, а на кого — нет. Мне жалко расставаться с вами, но, видимо, придётся. Поговорите дома ещё раз с родителями. Пусть они хорошо подумают и решат: смогут ли отпускать вас каждый раз на занятия?

Люба по приезде домой не решилась сказать матери о предложении Людмилы Васильевны. Она была уверена, что будет продолжать поездки и что мама её в этом поддержит. Однако всё получилось по-другому. Вечером к ним домой пришёл мастер сплава участка Левчук с дочерью Мариной.

— Ну, что будем делать, Петровна? — спросил он с порога.

Катерина Петровна, не сразу поняв, в чём дело, удивлённо посмотрела на него.

— Я знаю, что нашим девочкам нравится танцевать, и я даже не против по воскресеньям возить их в город на своём автомобиле, — сказал Левчук. — Найду для этого время. Но в будние дни я работаю, и им придётся ездить самостоятельно. Сейчас, осенью, ещё ничего, а наступит зима, придут морозы, станет рано темнеть — тогда как? Я опасаясь за них. А вы?

— Я тоже не против того, чтобы Любава занималась танцами, — сказала Катерина Петровна. — Но эти поездки отнимают столько времени... Уроками заниматься некогда. Вечером Люба приезжает, садится за стол, ужинает, а я вижу, что глазки у неё уже закрываются — устала, спать хочется, а утром рано в школу. И в воскресенье: пока туда-сюда — весь

день проходит. А зимой, вы правильно говорите, и холодно будет, и темно. Тяжело... Боюсь, они не выдержат: и по школьной программе отстанут, и с танцами ещё неизвестно что получится. Как это ни печально, но, наверное, надо девочкам оставить поездки и заняться чем-то другим у себя в школе.

— Я вас поддерживаю, — согласился Левчук. — Лучше это сделать раньше: и времени меньше потеряем, и не так тяжело им оторваться от занятий будет, пока они ещё не втянулись в новый процесс, не разучили новые танцы.

Люба и сама понимала, как тяжело мама переносит её отсутствие, переживает за неё каждый раз. Нелегко ей одной управляться и дома по хозяйству. Как-никак у них и куры есть, и поросёнок, и козочка живёт, а за ними всеми уход нужен.

И взрослые постановили, что девочки в город на занятия больше не поедут.

— Я сам поговорю с Людмилой Васильевной, объясню всё ей, — сказал в заключение разговора Левчук.

Он так и сделал в следующее воскресенье. Поехал в город, взяв Любу и Марину с собой.

— Пусть девочки попрощаются с учительницей, — вздохнул он с грустью в голосе, объяснив Катерине Петровне, почему заехал утром к ним.

Вместе с детьми мастер сплавного участка зашёл в школу и, не раздеваясь, поднялся на второй этаж, вызвал в коридор из спортивного зала Людмилу Васильевну.

Прощание было слёзным.

Прослезилась преподавательница, обнимая своих, теперь уже бывших, воспитанниц. Заблестели на глазах слёзы и у Любы с Мариной.

— Милые мои девочки! Как мне будет вас не хватать! Как я привыкла к вам за это время! — говорила, будто причитала, учительница танцев. — Не забывайте наши занятия. А при случае, если будете в городе, приходите на наши концерты.

Девочки вытирали слёзы и кивали.

Почти все родители танцоров из школы Городка на Бирюсе пришли к такому же решению, как и Левчук с Катериной Петровной. До мартовских каникул в Тайшетград на занятия к Людмиле Васильевне ездили только трое

мальчишек, а потом остался один. Тот самый долговязый Алёша-Алексей, что в паре с Любой танцевал «Топотуху».

По настоянию мастера Левчука в школе Городка на Бирюсе попытались вновь создать танцевальный кружок, но настоящих знатоков танцев, таких как Людмила Васильевна, ни в школе, ни в Доме культуры не нашлось, и Любе с Мариной приходилось заниматься общественными поручениями: рисовать, писать и наклеивать картинки в стенгазету, читать стихотворения на школьных праздниках. И они это делали. Иногда с удовольствием, а бывало — и без энтузиазма.

4.

Может быть, больше и действительно не вспомнила бы Люба про шахматы, если бы не школьные соревнования. Когда она училась в седьмом классе, в школе организовали турнир по шахматам. Как оказалось, в их классе никто из девочек, кроме Любы, в шахматы играть не умел. Из мальчишек вызвались принять участие в соревнованиях трое, среди них Генка Васильев. Мальчишки провели сначала игры между собой, выявляя лучшего в классе, и Генка, обыграв обоих соперников, получил право вместе с Любой представлять седьмой «Б» в шахматном турнире на первенство железнодорожной школы Городка на Бирюсе.

Соревнования проходили в трёх возрастных группах. Младшая — с первого по четвёртый классы, средняя — с пятого по восьмой, и старшая — среди девяти- и десятиклассников.

Люба, на удивление всем и самой себе, обыграла всех четырёх своих соперниц, включая восьмиклассницу, и заняла первое место в средней группе среди девочек. Первое место среди мальчиков занял и Генка Васильев. Он, правда, вторую свою партию проиграл, но ему повезло: выигравший у него восьмиклассник в следующей партии оступися, а в последней сыграл вничью. По итогам турнира Генка набрал больше баллов и вышел на первое место.

— Везёт рыжим! — сказал Генке восьмиклассник, когда подвели итоги соревнований.

Люба слышала это и была удивлена, что Генку называли рыжим. Генка был скорее шатеном, его волосы на солнце чуть отливали соломенным цветом, но это только на солнце,

и ни Любе, ни кому-то другому в их классе никогда бы в голову не пришло сказать, что Генка рыжий.

Соревнования проходили в школе в воскресенье, а в понедельник в классе, без участия Любы, вывесили стенную газету «молнию». На доске объявлений при входе в класс на белом листе бумаги были приклеены фотографии Любы и Генки. «Ими гордится класс!» — было написано крупно над фотографиями, и ниже: «Поздравляем чемпионов школы по шахматам!»

А потом были шахматные турниры районного уровня. Сначала среди железнодорожных школ, а потом и среди школ всего района.

В обоих турнирах Люба начинала очень хорошо, обыгрывала нескольких соперниц, но победительницей ей быть не пришлось. В обоих случаях она уступала девочке по имени Эльвира из тайшетградской школы-интерната номер два.

Турнир по шахматам учащихся железнодорожных школ проходил в марте, в дни весенних каникул, в этой самой школе-интернате номер два, которая считалась образцовой в городе и районе. Люба победила всех соперниц в группе и вышла в полуфинал, где впервые и увидела красивую, худую, конопатую девочку. Вот она действительно, в отличие от Генки Васильева, была рыжей, и ей действительно везло. Люба так считала, хотя и понимала, что везение везением, но Эльвира лучше её играет в шахматы. Уже на седьмой минуте матча Эльвира объявила ей мат. Люба скорее удивилась, чем расстроилась. В игре за третье место она старалась не торопиться и, хотя сильно волновалась, как будто играла впервые, партию довела до победы.

Всем троим призёрам турнира организаторы вручили почётные грамоты и подарили шахматы. Эльвире — большие деревянные, а Любе и занявшей второе место Тоне из тайшетградской школы номер восемьдесят пять — маленькие пластмассовые.

На районный турнир они с Генкой поехали в апреле. Лучших шахматистов-школьников района принимала на этот раз в Тайшетграде городская школа номер двадцать три. При жеребьёвке как будто кто-то нарочно свёл в одну первую группу всех призёров турнира железнодорожных школ. И Эльвиру, и Любу, и Тоню. Групп было четыре, в каждой

по восемь участниц, которые должны были сыграть между собой. По две лучших выходили в одну четвёртую финала.

Турнир был рассчитан на два дня, и Любу с Генкой в субботу освободили от занятий в школе.

Генка участвовал и в первом турнире среди железнодорожных школ, но там он в четырёх встречах проиграл дважды, одну партию выиграл и одну сыграл вничью и в полуфинал не вышел. Не вышел он из группы и на районных соревнованиях, где ему не удалось выиграть ни одной партии.

Соревнования были организованы очень хорошо. Мальчишки играли в спортзале школы, а девушки — в актовом зале. Начинались игры в десять часов утра и заканчивались около пяти часов вечера. К четырнадцати часам соревнования останавливали, и участников приглашали в столовую на обед.

На этот раз в первой игре соперницей Любы стала Тоня. Люба осторожничала, обдумывала ходы, иногда жалела, что продвинула не ту фигуру, которую было нужно, но вскоре успокоилась и, дважды объявив шах, загнала белого короля в угол, лишив его последнего хода.

С Эльвирой они встретились уже после обеда. Эта была предпоследняя, шестая партия. Люба сосредоточилась и, записывая свои ходы и продвижения фигурок соперницы, старалась предугадать, какой следующий ход сделает Эльвира. Раза два ей это удалось. Но не более. Эльвира была непредсказуема. Она делала такие, казалось бы, совсем не логичные ходы, что приводила Любу в замешательство, заставляя менять обдуманное ранее решение. На сей раз Любин король был заблокирован на пятнадцатой минуте.

Заняв второе место в группе, Люба вслед за Эльвирой попала в восьмёрку лучших шахматисток района.

Заканчивая первый день соревнований, главный судья турнира показал им нарисованную схему игр восьмёрки. Любе предстояло сыграть с победительницей второй группы, Эльвире — с девчонкой, занявшей второе место в той же группе. Из схемы выходило, что при удачном выступлении Люба сможет встретиться с Эльвирой только в финале, в игре за первое и второе места.

Так оно и случилось.

В воскресенье на станции, торопясь к электричке, Люба увидела Генку.

— А я своим дома не сказал, что вылетел с турнира, пусть думают, что ещё играю. Поеду с тобой. Дома делать всё равно нечего. Буду болеть за тебя, а в обед, глядишь, ещё и покормят бесплатно, — улыбался он, усаживаясь в электричке рядом с Любой.

В обед действительно кормили бесплатно всех, кто был на районном турнире школьников по шахматам. И победивших, и проигравших, и приехавших с участниками представителей школ, и родителей, сопровождающих детей.

До обеда прошли четвертьфиналы и полуфиналы. В обеих встречах Люба использовала наработанную ею хорошо продуманную атаку по двум флангам, и, хотя немного волновалась, обе её соперницы были повержены менее чем за двадцать минут.

На финал собралось много болельщиков. Больше половины актового зала было заполнено взрослыми и школьниками. Стол установили на сцене, и к играющим подсел главный судья соревнований из районного спорткомитета. Чтобы всем зрителям было видно, как идёт игра, на стене сцены закрепили большую шахматную доску с намагниченными шахматными фигурками, и двое ассистентов судьи передвигали их после того, как делали свои ходы на доске Люба и Эльвира.

— Прямо как на чемпионате мира, — сказал, улыбнувшись, перед решающим поединком главный судья. — У мальчишек в спортзале такого нет. Ну что, девочки, начинаем?

Люба уже знала, что фланговые её продвижения Эльвира пресекает, не давая пешкам перейти на другую половину шахматной доски. Играла Эльвира как-то однобоко, активно двигая фигурки со стороны ферзя: коня, слона, ладью, — не трогая до поры самого ферзя. Она, казалось, нелогично жертвовала своими пешками, но тут же снимала пешки Любы, расчищая этим дорогу своим слону и ладье. Сделав несколько таких ходов, она неожиданно выставляла вперёд второго коня, и тогда брался за работу её ферзь, объявляя в лучшем случае шах, а в худшем, через два-три хода, мат.

Зная это, Люба уже во второй раз старалась угадать, после какого хода Эльвира двинет второго коня, но снова не смогла.

Эльвира наслаждалась игрой. Её некрасивое лицо преобразалось, глаза горели и сжигали соперницу. Она чувствовала себя хозяйкой на шахматной доске, хитро улыбалась, давая понять, что она всё контролирует и заранее знает, какую фигуру и в какое место передвинет Люба в следующий раз.

К двадцать пятой минуте игры король Любы оказался прижатым в угол, и после второго шаха Эльвира торжественно объявила:

— Мат!

— Мат, — подтвердил судья и, поднявшись, глядя в зал, громко объявил имя победительницы.

На этот раз под громкие аплодисменты болельщиков Эльвире вручили диплом и красочный фотоальбом с видами Байкала, а Любе вместе с дипломом второй степени — книгу иркутского писателя Валентина Распутина «Уроки французского».

Люба была довольна и радостно смотрела в зал, отмечая, как восторженно и с силой бьёт в ладони в её честь Генка Васильев.

5.

Тот 1978 год был одним из самых памятных для неё. И не только тем, что она играла в шахматы и получила за это грамоту, диплом и подарки. В тот год Люба поняла, что она повзрослела. Она перешла в восьмой класс и окончательно решила, что через год будет поступать в медицинское училище. Лето 1978 года проходило в раздумьях и даже глубоких размышлениях. Люба с большим интересом прочла заглавный рассказ подаренной ей книги про мальчика, живущего в чужом селе, у чужих людей, вынужденного играть на деньги, чтобы покупать себе молоко, и про его учительницу французского языка, приехавшую в Сибирь из далёкой Кубани, пытающуюся правдой и неправдой помочь этому мальчику. Люба попыталась представить себе этого мальчика и его учительницу, и они словно живые вставали перед её глазами. Несколько дней Люба ходила под впечатлением от прочитанного и думала о том, что хорошо бы эту историю посмотреть в кино.

Куда уходят, убегают или улетают наши мысли и мечтания? Где они находят себе пристанище — или же летят и

бегут, не зная отдыха? Слышит их или чувствует кто-то тот, от кого зависит исполнение мечты и желания?

Думала примерно так Люба или не думала, но в конце года, в декабре, она немало удивилась: по телевизору показали премьеру фильма «Уроки французского», а перед началом выступил писатель Валентин Распутин. Он говорил о том, что рассказ этот — о его детстве. Когда же на экране появился главный герой, Люба замерла, Мальчик был именно таким, каким представляла его Люба. И школа показалась ей знакомой, как будто она была когда-то там сама, сидела за партой в этом классе и стояла у этой доски. И учительница французского языка, и суровый директор школы как будто переместились в этот фильм из Любиного воображения.

«Мечты обязательно сбываются, если ты сильно этого хочешь», — сделала для себя вывод Люба.

Она решила, что будет чаще думать об отце, о том, чтобы он оказался жив и вернулся к ним с мамой. От Святослава Игоревича не было никаких вестей уже несколько лет, и Люба с грустью замечала, как мама, листая фотоальбом, утирала слёзы. Она и сама плакала, оставшись одна, вспоминая отца, бабушку и деда.

Год 1978-й запомнился Любе и тем, что она испытала первые порывы влюблённости. После шахматных турниров Генка Васильев стал чаще обращать на неё внимание. Иногда ждал её у школы перед началом уроков, и они вместе заходили в класс; иногда провожал со школы чуть ли не до дома; а бывало, напрашивался и приходил в гости: попить чаю, поиграть с Любой в шахматы.

Шахматы не стали для Любы неотъемлемой частью её жизни. После того как прочитала «Уроки французского», она стала чаще читать книги.

В шахматных школьных турнирах она участвовала ещё несколько раз, но в призёры уже не попадала. Подрастали новые юные дарования, которые играли в шахматы лучше. «Свежее, — как сказал на одном турнире главный судья из спорткомитета. — Новички играют по-своему: ново и свежо».

Став студенткой медицинского училища, Люба участвовала ещё в двух турнирах. В одном, между учащимися ПТУ и училищ города, она победила. Её поздравляли,

хвалили, отметили грамотой в училище, но эта победа почему-то не доставила ей большой радости. Люба окончательно поняла, что шахматы — не смысл её жизни и играет она в них скорее в память об отце. В благодарность ему за то, что он был и научил её этой игре.

На чемпионате района по шахматам среди женщин она снова увидела Эльвиру. Повзрослевшая, похорошевшая, уже без веснушек, но всё ещё рыжеволосая, Эльвира в то время училась в железнодорожном техникуме и приехала в Тайшетград на каникулы из Красноярска. Ей разрешили участвовать в первенстве района, и она, как и раньше, с лёгкостью выиграла все свои партии. Но Любе с ней играть не пришлось. Проиграв первую и третью партии, она выбыла из борьбы за чемпионство на групповом этапе.

А ещё год 1978-й запомнился ей встречей на вокзале Тайшетграда с парнем-солдатом, который назвал её тогда синеглазкой.

«И почему я сегодня уже второй раз вспоминаю его?» — улыбнулась Люба, глядя на вечные сосны, в которых скрылась уходящая в Тайшетград электричка.

— Да и на Иланскую пассажиров сегодня было негусто, тоже двое сели, и никто не сошёл, — сказала, оторвав Любу от воспоминаний, дежурная по станции Нина Васильева.

— Счастливо тебе отдежурить, — пожелала ей Люба и пошла дальше по перрону.

— И вам удачного дня! — крикнула ей вслед Нина.

— Спасибо! — обернулась Люба, улыбаясь тому, что Нина всё ещё зовёт её на «вы».

«А ведь мы могли стать с ней родственниками, — подумала Люба, глядя на эту худенькую девушку в железнодорожной фуражке и с флажком в руке. — И, наверное, стали бы, если бы я ответила на чувства её брата».

Были ли чувства Генки Васильева к ней искренними, или это был только порыв с его стороны, желание добиться её? Об этом Люба думала не один раз, как и о том, что было бы сейчас, ответ она тогда взаимностью.